

КАРЕН МИКАЭЛЯН И ВИДНЫЕ ДЕЯТЕЛИ АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Р. А. БАГДАСАРЯН

Карен Саркисович (Сергеевич) Микаэлян (1883—1941 гг.) оставил яркий след в истории армянской литературы и культуры своей неутомимой и плодотворной деятельностью. Уроженец нахичеванской земли, он как личность формируется в таких известных и значительных культурных центрах, как Тифлис, Москва, Иена (Германия). Благодаря приобщению к российской и европейской общественно-литературной среде литератор смог стать в один ряд с наиболее образованными и передовыми представителями армянской интеллигенции начала XX века. Всесторонне развитый человек, Карен Микаэлян проявил себя одаренным прозаиком, драматургом, переводчиком, публицистом и издателем. Он подвижник русско-армянского литературного и общественно-политического братства, недаром за ним закрепилось, весьма справедливо, имя «полпреда армянской культуры в Москве».

Велики его заслуги в деле создания и издания двух значительных трудов—«Поэзии Армении» под редакцией В. Я. Брюсова в 1914—1916 гг. и «Антологии армянской поэзии» под редакцией Максима Горького, предпринятой в середине тридцатых годов (имевшей весьма нелегкую судьбу и изданной лишь в 1940 г. в Москве в переработанном виде, уже под редакцией С. Арутюняна и В. Кирпотина¹). О роли Микаэляна в «наведении мостов» с русскими поэтами-переводчиками в период работы над «Поэзией Армении», и в частности с В. Брюсовым, хорошо сказал в свое время известный переводчик С. Шервинский: «Армянские литераторы—среди них в первую очередь мне вспоминается Карен Микаэлян, верный, честный ревнитель армянской культуры, жизнь которого была так трагически оборвана (в период сталинского культа личности.—Р. Б.),—делали все возможное, чтобы Брюсов мог войти в мир армянской поэзии».² И действительно, Микаэлян в своей литературно-общественной деятельности, в частности в России, руководствовался, по собственному выражению, целью дать наиболее полное «представление о культурном уровне армян».³ С этой задачей он справился сполна, о чем свидетельствуют высказывания самих же русских поэтов и переводчиков, работавших с ним.

Валерий Брюсов в своей «Поэзии Армении» отмечал, что для историко-литературной части написанного им очерка «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков» важнейшими источниками были «особенно личные разъяснения и указания» Карена Микаэляна,⁴ а позднее

¹ Новые материалы об истории издания «Антологии армянской поэзии» см.: Գ ա ղ ի Բ Գ ա լ ա ճ ի շ ի ն, Մ ի գրքի և գրա շուրջ համախմբված մարզկենտրոնի ցանկում (Հայաստանի Հանրապետություն, 21—23, I, 1994):

² С. Шервинский, Ранние встречи с Валерием Брюсовым (Брюсовские чтения 1963 года, Ереван, 1964, с. 508).

³ Брюсовские чтения 1966 года, Ереван, 1968, с. 152.

⁴ Поэзия Армении, под ред. В. Я. Брюсова, Ереван, 1966, с. 473.

Н. С. Тихонов, один из редакторов «Антологии армянской поэзии» тридцатых годов, подчеркивал: «... заслуга К. Микаэляна, участвовавшего и в первой (брюсовской) и во 2-й Антологии, очевидна и заслуживает всяческой благодарности... Помощь его в каждом отдельном случае была чрезвычайно полезна».⁵

Неутомимая литературно-общественная деятельность К. С. Микаэляна, естественно, вовлекала в круг его друзей и единомышленников известных и талантливых поэтов, писателей, литераторов, ценителей художественного слова и искусства как Армении, так и России. Работа над антологией армянской поэзии в 1935—1936 гг. сблизила его с такими видными и маститыми русскими поэтами и переводчиками, как Николай Тихонов, Павел Антокольский, Всеволод Рождественский, Михаил Лозинский, Вера Звягинцева и др. Высоко ценил армянского литератора выдающийся писатель М. Горький, который, делаясь своими мыслями об антологии армянской поэзии, писал, в частности К. Микаэляну, что книга «составлена весьма солидно», «дает понять историю роста поэзии, дает представление о красоте и силе, об оригинальности ее строя и ее образности» и выражал надежду видеть ее «изданной образцово».⁶ Конечно же, Горький мог судить о поэзии Армении благодаря имеющимся переводам на русский язык, что являлось в большинстве случаев заслугой Микаэляна, прилагавшего немало усилий для того, чтобы стихи армянских поэтов попадали к действительно талантливым русским переводчикам, которые в свою очередь справлялись с работой благодаря прекрасным подстрочникам, сделанным нередко именно Микаэляном.

Кипучая деятельность на ниве популяризации армянской литературы способствовала сближению К. Микаэляна со многими известными поэтами и писателями Армении. Среди них—Ваан Терьян, Егише Чаренц, Аветик Исаакян, Наир Зарян, Ваграм Алазан, Вагаршак Норенц, Гсгам Сарян и др.

Ваан Терьян проявлял самые дружеские чувства и большой интерес к деятельности Микаэляна еще в период издания альманаха «Гарун» в десятые годы, тесные связи были и позднее. Так, в письме от 12 декабря 1913 г. поэт в дружеском, шутливо-ироническом тоне реагирует на «кончину» литературно-художественного альманаха «Гарун» (вышло всего три книги) и призывает не падать духом «и секретаря, и экспедитора, и казначея» «беллетриста и юмориста и волей божьей драматурга» Карена Микаэляна. «Гарун» умер—да здравствует «Гарун»!—воскликает Терьян в письме своему другу.⁷

В период работы над брюсовской «Поэзией Армении», в 1914—1915 гг., Микаэлян постоянно держит Терьяна в курсе событий, делится с ним своими радостями и печалью, пишет о литературных и житейских делах. Так, 16 октября 1914 г. он сообщает поэту, что предложил Московскому Армянскому комитету издать книгу и обосновать необходимость подобного предприятия. Ему виделся, как он писал, «роскошный сборник на русском языке, в который войдут все жемчужины нашей литературы в отменных переводах».⁸ Несколько позднее, в письме от 2 декабря того же года, Микаэлян ставил в известность Те-

⁵ ՀՀ ԳԱ Լրարեր և տպարկական գիտություններ, 1987, № 4, էջ 85.

⁶ Горький и Армения, Ереван, 1968, с. 63.

⁷ Վ. Տերյան, Երկերի ժողովածու 4 հատորով, հ. 4, Երևան, 1979, էջ 128.

⁸ А. П. Макинцян. Из истории создания «Поэзии Армении» (Брюсовские чтения, 1966 года, с. 153).

рьяна о том, что следовало бы привлечь в качестве переводчиков Бальмонта, Бунина, Брюсова, Блока и др.⁹, а 25 марта 1915 г. вновь подчеркивал, что «поэтические переводы нужно поручить самым лучшим русским поэтам».¹⁰

Терьян своевременно реагирует на письма Микаэляна, также делится с другом-ровесником своими взглядами и мыслями. Так, 16 декабря 1914 г. он писал: «.. Теперь о сборнике (речь идет о «Поэзии Армении».—Р. Б.). 1) На русском—вреда не будет, хотя и боюсь, что получится плохим, потому что во имя армян денег не дадут, а без денег... хорошо не получится, где уж говорить о поэзии (в хорошем смысле слова). И потом: кто будет делать?... В целом же мне не нравится, что нашей литературой только *сейчас* стали интересоваться (не ты, а другие), только *сейчас* хотят издавать сборник..., в то время как мы уже несколько лет не можем найти сотни-другой для «Гаруна», который также является сборником... Другое дело, если бы это было предпринято каким-то литературным обществом (например, обществом писателей). А в вашем комитете есть люди, которым кроме пренебрежения нечего подарить армянской литературе—почему сегодня армянокий писатель (которого они никогда не признавали и не хотели признавать) должен с любовью идти навстречу им, потому что они хотят собрать средства таким способом? Извините, литература подобную роль не желает играть—она не *способ*! Речь, конечно, не о тебе или Джузеппе (Ал. Цатурян.—Р. Б.), а о тех, кто не знает и не уважает армянскую литературу... Повторяю, если предпримут армянские писатели или ты и Цатур—с радостью, конечно, приму участие, если же предпримут московские русскоязычные (или армяноязычные—все равно), восплававшие любовью к нации толстосумы—чем я обязан служить их славе и имени?».¹¹

Спустя несколько месяцев, в письме от 2 апреля 1915 г. из Петрограда, В. Терьян сообщает о новостях своей жизни, радуется тому, что и Микаэляна занимают те же проблемы, что и его самого, а именно дела литературные. «Конечно, журнал останется нашей мечтой,—пишет он,—но это не означает, что если журнал невозможен, надо сидеть сложа руки. Сборник хотя частично, лишь в самой незначительной степени удовлетворит наши запросы. Во всяком случае, стремясь к большему, конечно, «не следует отказываться от малого». В этом случае мы вновь можем вернуться к «Гаруну», если невозможно иметь хотя бы маленький журнал, что, по мне, было бы более живым делом, если бы удался, и имел бы большее значение. Однако если это невозможно, тогда пусть хотя бы будет сборник—тот же «Гарун», который, думаю, было бы желательно видеть ежегодником с несколькими разделами, но обо всем этом мы еще посоветуемся долго и подробно...». Касаясь «русского сборника», Терьян подчеркивает, что «естественно, ничего плохого» сказать не может и не может быть «против», однако сомневается в компетентности людей, взявшихся за дело (в частности, Веселовского) и добавляет: «.. было бы очень хорошо, если бы были я и Паоло (Погос Макинцян.—Р. Б.), в качестве противовеса этим «старикам». Ты, как наш представитель, думаю, приложишь усилия, чтобы мы могли участвовать в этом деле самым активным образом и, кажется, ты должен же-

⁹ Там же, с. 154.

¹⁰ Там же, с. 155.

¹¹ Վ. Տերյան, Երկերի ժողովածու, հ. 4, էջ 173—174:

лать этого с точки зрения (нашей—приблизительно общей) направления и удачного исхода.»¹²

В этом же письме Терьян делится с Микаэляном другой важной новостью: «Максим Горький позвал меня к себе... по аналогичному делу. Он также намерен издавать сборник армянской литературы (он должен издать ряд подобных «национальных» и «областных» сборников, в их числе и армянский). Об этом пока *никому* ни слова (тем более, что это может быть помешает и вашему сборнику—в то время, как мне кажется, если он и будет, одно другому не помешает. Что за беда, пусть будет два сборника)».

Армянский поэт в письме другу и соратнику сетует на то, что порою «чужие люди (речь, видимо, о Брюсове.—Р. Б.) проявляют к нам больший интерес, чем мы, наша интеллигенция и паша любящая нацию буржуазия, которая, как видишь, готова на внушительные жертвования для русского сборника, в то время как для армянского жалует гроши...». С горечью в сердце Терьян констатирует реальное положение вещей: «... они хотят хвастать нашей литературой и представить ее чужим..., а для расцвета этой литературы ничего не пожелали сделать до сих пор и ныне не хотят и не захотят в будущем».¹³

Далее он делится с Микаэляном своими ближайшими планами («хочу выслать «Мшаку» несколько статей, вновь о проблемах интеллигенции и культуры»), высказывает весьма актуальную для того времени мысль (хотя и весьма спорную, на наш взгляд) о том, что необходимо более «думать о продвижении нашей литературы, чем о представлении ее другим», призывает друга содействовать объединению молодых сил и их плодотворной работе.

В том же письме, еще не отправленном, Терьян добавляет в связи с состоявшимся визитом к видному русскому писателю: «Сегодня пошел к Максиму Горькому... Предлагает сборник, посвященный армянской литературе... Сборник будет небольшим (около двадцати печатных листов), с одним или двумя предисловиями (одно—посвященное армянской жизни, прошлому и настоящему, другое—обзор армянской литературы): Остальное—художественные произведения. Преобладающей будет современная литература, конечно, дадим из старого значительное и интересное. Поэзию Горький обещает дать русским поэтам с нашей помощью и вообще был очень и очень любезен... Для предисловия (обзора литературы) я имел в виду нашего Погоса, а для другой статьи еще не решил... По-видимому, это не помешает предпринятому вам сборнику» (речь о «Поэзии Армении».—Р. Б.).¹⁴

Отношение В. Терьяна к делу, предпринятому К. Микаэляном, было самое заинтересованное, и его поддержка и положительная реакция очевидны: об этом свидетельствуют следующие один за другим письма, в которых молодой литератор пишет о всех этапах продвижения работы, посвящая в нее поэта. 1-мая 1915 г. Микаэлян ставит в известность Терьяна: «Должен сообщить тебе радостную весть. Вопрос о сборнике решен... Очень трудно было втолковать представителям нашей буржуазной интеллигенции, какое большое моральное значение имеет подобное дело».¹⁵ В этом же письме Микаэлян признается Терьяну: «Это будет пробным камнем для нашей литературы, посмотрим, что скажет

¹² Там же, с. 200.

¹³ Там же, с. 201.

¹⁴ Там же, с. 202.

¹⁵ Там же, с. 158.

русский читатель. Если отнесется одобрительно, этот факт будет иметь огромное влияние на нашу литературу».

Делясь впечатлениями от встречи с В. Брюсовым, К. Микаэлян в письме от 27 июня 1915 г. пишет Тсрьяну: «Вчера с Цатуряном и Погосом (Александр Цатурян—армянский поэт; Погос Макинцян—известный литератор, видный общественный деятель Армении.—Р. Б.) были у Брюсова. Принял хорошо, а la М. Горький, дал (почти) согласие редактировать наш Сборник. Проявил неожиданную заинтересованность к нашему предложению до такой степени, что решил изучить армянский язык... Потребовал всю литературу об Армении... Словом, проектируемый нами Сборник выйдет под высочайшей редакцией «известного русского поэта В. Брюсова».¹⁶

Тсрьян делится с Микаэляном своими мыслями, сомнениями, иногда весьма противоречив в своем отношении к предпринятым делам, в основном литературным. Так, в письме от 28 ноября 1915 г. поэт, в частности, пишет: «... опыт нынешнего года многому научил меня и во многом разочаровал... Я лишь то хотел бы сказать, что ныне во мне еще более окрепло убеждение в том, что мы не должны растрчивать свои силы на такие дела, как эти сборники, а сосредоточиться на своих делах: написанный на армянском один рассказ в моих глазах имеет большую ценность, чем двадцать таких сборников на русском».¹⁷ И здесь же интересуется: «Сборник наш уже печатается, а ваш? ... Пиши, посмотрим, в каком он состоянии». Друзья-литераторы поддерживают друг друга во многих начинаниях. Так, в том же письме Тсрьян пишет: «Если написал что-нибудь новое (хорошее, конечно), вышли—здесь есть и другой сборник, для которого просят перевести пару вещей— не знаю, что перевести—с удовольствием переведу твое, если пришьешь что-то стоящее (этот сборник издают проф. Бодуэн-де-Куртенэ, Гредескул и другие, называется «Отечество», там будут образцы литератур всех народов (России)—настоятельно просят дать несколько вещей, несколько армянских «новелл» (!!! откуда?)».

В течение 1915—1916 гг. оба предпринимают попытки возродить альманах «Гарун». В письме от 23 апреля 1916 г. Тсрьян ставит в известность Микаэляна, что предполагается выпуск IV книги литературно-критического альманаха и прилагает текст соответствующего объявления для печати (для «Мшака» и «Оризона») о выходе его в свет осенью. Указаны редакторы-издатели П. Макинцян, К. Микаэлян, В. Тсрьян. К сотрудничеству предполагалось привлечь Марра, Орбели, Адонца. К сожалению, этим намерениям не суждено было сбыться ни той осенью, ни позднее...

Тсрьян в растерянности: «...наш «Гарун» в плохом состоянии. Что будет, не знаю... Материалы больше не получаю, а полученное ты видел—все, что есть,—это, нового ничего не получал. Не будем же издавать этот хлам? А хороший материал—откуда? Мне кажется, вы там подумаете над этим, но от вас по этому поводу никаких сведений нет... И вообще пиши о своих намерениях в связи с «Гаруном»: вернуть ли (авторам) полученный материал или оставить у себя, или выслать Погосу?... Мое мнение таково, что из присланных материалов для «Гаруна» нечего выбрать. Но надо ли выслать Паоло и спросить его мнение, или прямо вышлю я? Наконец, что мне написать авторам относительно будущего «Гаруна»—будет или нет?»¹⁸—пишет он 14 октября 1916 г.

¹⁶ Там же, с. 163—164.

¹⁷ Там же, с. 242.

¹⁸ Там же, с. 297.

Как видно из вышеприведенной переписки, и Терьян, и Микаэлян буквально дышат интересами нашей, армянской культуры и литературы.

В связи с превзошедшим все ожидания успехом брюсовской антологии откликается из европейского далека выдающийся армянский поэт Аветик Исаакян. 18 марта 1917 г. он писал Микаэлян: «... Больше месяца, как я получил «Поэзию Армении», грандиозный труд и грандиозное старание, не имеющее себе равных, уже написал письмо Моск. комитету, с выражением благодарности... Прошу выслать мне несколько экземпляров (4—5) Антологии для продажи, здесь многие хотят ее приобрести... Передай мою глубокую благодарность г. Брюсову и скажи, что он является одним из искренних и верных друзей армянского народа».¹⁹

В этом же письме Исаакян делится своими размышлениями с Микаэляном, которого считает прекрасным знатоком литературы, по поводу переписки В. Брюсова с И. Крачковским,²⁰ отстаивает свое понимание касыды и суры, первой — как «поэмы», второй — как «очередности, порядка», в соответствии с чем он и обозначил, следуя Корану, главы своей поэмы («Абул ала Маари».—Р. Б.). Опираясь на авторитетные источники, Исаакян утверждает, что «профессор не прав» (речь, несомненно, о Крачковском, мнение которого, по-видимому, было сообщено ему Микаэляном, в свою очередь узнавшим о том от Брюсова).²¹ В письме Микаэлян важны рассуждения Исаакяна о духовном родстве его со своим героем: «Ты пишешь, что «Маари» не соответствует исторической реальности; это, мой милый, я хорошо знаю, мне только имя было нужно, старина, колорит и отчасти его пессимистически-философская душа. Произведения его я читал и на немецком, и на французском, знаю, что он был слеп, в Багдаде не жил, но не это важно, там я и никто другой, только одежды мои другие».²²

Взаимоотношения между Исаакяном и Микаэляном трогательны и задушевные — об этом свидетельствуют многочисленные письма их друг другу. Так, еще до этого письма, 12 августа 1916 г., поэт выражал свою искреннюю благодарность Микаэлян за «неожиданное письмо» и делился с ним: «... я уже чувствовал себя совершенно забытым в этих жестоких, человекопоглощающих днях... И вдруг ощущаешь себя «в сказочных днях Мира», когда были друзья, человеческие чувства и оценки. О, какие нынче времена, еще более худшие, чем когда-либо были на этом ничтожном земном шаре, имя которому отныне надо дать «кровавый шар» и ничего более... душевно весьма угнетен — из-за тех ужасных, безмерных потерь, которые перебили хребет нашему народу, какую еще психологию можно иметь, прибавь к этому еще потерю моего племянника, который совсем еще молодым пал под стенами Эрзерума... Сейчас я почти ничего не пишу, с таким настроением невозможно что-то писать, только читаю, много читаю, кроме того — пересматриваю

19 Ա. Ա զ ա յ յ ա ն, Ազիտր Իսահակյանի նամակները Կարեն Միրախչյանին (Պատմա-րանգիրական հանդես (ՊՐՀ), 1973, № 2, էջ 235)։

20 И. Ю. Крачковский, академик, ученый-востоковед, в своих письмах В. Брюсову как переводчику резко отрицательно отнесся к поэме «Абул ала Маари», Ав. Исаакяна, считая, что в ней нет верного отображения жизни и мыслей арабского поэта, неверно использованы формы касыды и суры. После пояснений В. Брюсова заметно пересмотрел свое мнение.

21 См.: Эдуард Джрбашян, Четыре вершины. Туманян. Исаакян. Терьян. Чаренц, М., 1988, с. 143.

22 ՊՐՀ, 1973, № 2, էջ 235—236։

написанное ранее... Если настроение немножко поднимется, могу написать вещи: мыслей, картин в голове очень много».²³ В том же письме Исаакян интересуется делами Терьяна, Макинцяна, самого Микаэляна, предпринимаемыми усилиями по возрождению «Гаруна» и вопрошает в связи с этим: «не лучше ли было бы дожидаться мирных времен?»

В двадцатые годы дружба между ними не ослабевает, тем более что перед Микаэляном открываются возможности более тесного общения с заграницей в связи с организацией Комитета помощи Армении в Ереване в 1921 г. и необходимостью открытия его отделений в армянской диаспоре. В эти годы Микаэлян неоднократно пишет Исаакяну о возрождении родины, предлагает возвратиться в Армению. Выдающийся поэт пишет ему из Венеции послания, полные любви к родной земле, к друзьям. 12 сентября 1924 г. Исаакян отвечал литератору: «Дорогой Карен... Чувствую себя спокойным и гордым оттого, что ты и многие, спустя столько жестоких, бесчеловечных лет, соскучились по мне, мечтаешь видеть меня, и я, прямо говоря,—это самая лучшая часть моего возвращения. Ты пишешь, что я увижу много радостного, бесспорно верю—армянская земля, армянский язык, армянская культура... но самое сладкое—обнять своих друзей, провести с ними время до рассвета за беседой и пирушкой, тем более с таром и дудуком. Меня заграница совсем «не поглотила» (твое слово), совсем не изменился и сердце со всем юношеским вдохновением бьется за армянство, армянство, больше ничего, другого...».²⁴ Поэт интересуется творческими успехами Микаэляна: «Пишешь ли ты свои рассказы, которые ныне должны быть более глубокими?... В руки мало попадает изданий из Армении. Частично знаю лишь Чаренца...».

В ответ на письмо литератора о создании Комитета помощи Армении и предпринимаемых мероприятиях этой организации Исаакян пишет из Италии 15 января 1926 г.: «По газетам следил за ходом вашей миссии (делегация Компрома Армении, в составе которой был и Микаэлян, совершала поездку по армянским колониям Европы, Америки, Персии.—Р. Б.). Пишешь, что ваша миссия внушает надежду на успех, естественно, что с большим удовольствием хотел бы верить этим обещаниям. Великое дело будет сделано, если свяжете колонии с родной, чтобы рассеянные по миру армяне впитали в себя любовь и идеалы нашего обездоленного народа. Как много моральной и материальной пользы может получить, ныне и в будущем, наше несчастное, битое и отвергнутое миром армянство!.. Всей душой желаю вашему делу успеха, доброго пути, доброго возвращения!».²⁵ Здесь же поэт вновь сообщает о своем твердом намерении вернуться на родину: «Спрашиваешь о моем возвращении в Армению. Решил вернуться, не знаю, плох или хорош мой шаг—но должен возвратиться. Хотя и передо мной есть стена трудностей. Безмерно соскучился по армянскому народу, по друзьям и по пшеничным полям. Но не знаю, смогу ли я там жить—я не коммунист, но.. верю в будущее нашей страны, в природную мудрость нашего народа, в его здоровое начало».

Впрочем, предчувствия не обманули Исаакяна—ему не суждено было по ряду причин ступить на родную землю, и 2 августа 1930 г. он сообщал Микаэляну из Парижа: «Дорогой Карен... я очень мрачен, настроение прескверное. Армянская диаспора—пропавшее дело, каждый

²³ Там же, с. 233—234.

²⁴ Там же, с. 236.

²⁵ Там же, с. 237.

занят заботами о своем житье-бытье. Платоновские трескучие слова, их сколько хочешь,—сыплются для Армении, но ничья рука не опускается в карман для чего-то конкретного... Надежда и опора—армянский народ, живущий и трудящийся вокруг Арагаца, все остальное—пустое дело. Будешь в Армении—мои самые сердечные приветы всем, друзьям, камням и земле...».²⁶

В переписке тридцатых годов Исаакян и Микаэлян продолжают информировать друг друга о своем житье-бытье, о литературных делах, о культурной жизни Армении, России и Европы. Исаакян часто интересуется литературными именами, в особенности Чаренцем. Микаэлян в свою очередь продолжает «агитировать» поэта к возвращению на родину. В одном из писем 1933 года Исаакян пишет: «Дорогой друг Карен... и я хочу быть в Ереване, с друзьями, с народом, но множество разнообразных дел задерживают меня здесь (в Париже.—Р. Б.),—выходит я здесь необходимый человек, а мое страстное желание—иметь тихий уголок и писать, завершить мои незаконченные литературные работы...».²⁷

Примечательно, что Ав. Исаакян весьма пристально следил за литературно-общественной деятельностью К. Микаэляна и в связи с работой литератора над первой советской антологией армянской поэзии, 6 июня 1934 г. писал из Франции: «... Издание «Поэзии Армении»—хорошая мысль, безусловно, было бы хорошо, если бы поместил побольше Саят-Новы, как и В. Терьяпа, Д. Демирчяна, турецко-армянских поэтов и новых (Г. Маари), обязательно—«Ес им ануш Айастани...» Чаренца и несколько избранных стихов из его старой лирики...».²⁸

Микаэлян высоко ценил внимание к себе и к своей работе выдающегося мастера слова Армении.

Взаимоотношения армянского литератора с другой поэтической вершиной—Египше Чаренцем установились с начала 20-х годов. В 1921—1922 гг. поэт сблизился с Микаэляном, жившим в ту пору в Москве. В письмах тех лет речь идет о литературных делах, о различных деятелях (которые поминуются добрым или недобрым словом), о произведениях Чаренца, переводимых на русский язык, об отношении поэта к тем или иным переводам и проделанной русскими переводчиками работе. Так, в письме от 2 марта 1923 г. Чаренц пишет Микаэлян: «Меня очень обрадовало, что ты дал на перевод мою «Всепоэму», мои глубокие благодарности... Я очень хотел бы знать, какое впечатление произвел на тебя мой роман «Страна Наири». Напиши!... Что нового в русской литературе?».²⁹ Спустя некоторое время Чаренц вновь делится со своим московским другом мыслями, а также новостями «армянской провинции»: «Дорогой Карен! Получил твое второе письмо и очень рад—благодарен за твое дружеское внимание... хорошо было бы, если бы часто писал мне. И немножко писал бы о местной литературной жизни. Здесь хорошо, все родное, но провинция... Пишу третью часть «Наири» (моего романа), но дело не клеится. II часть будет печататься во 2-м номере «Норка». Первую часть ты, наверное, уже прочел—интересно было бы знать твое мнение... Надеюсь, ты будешь держать меня в курсе местной жизни и твоих литературных планов. Не забудь, Карен. С большим удовольствием вспоминаю наши встречи и хотел бы,

²⁶ Там же, с. 238—239.

²⁷ Там же, с. 239.

²⁸ Там же, с. 240.

²⁹ Ն գ ի շ ի շ Գ շ ի շ ի շ, Երկերի ժողովածու 6 հատորով, հ. 6, Երևան, 1967, էջ 398:

чтобы до следующей встречи наши «добрососедские» отношения продолжались посредством писем».³⁰

В начале тридцатых годов, работая в Армгосиздате, Чаренц предлагает Микаэлян переводческую деятельность («Путешествие Гулливера» Свифта и др.). Известна переписка между ними по этому поводу, а также в связи с изданием в Ереване в 1931—1933 гг. произведений самого Микаэляна. Спустя несколько лет, в 1935—1936 гг., встречи и переписка между ними еще более оживились в связи с подготовкой антологии армянской поэзии—оба, как говорится, «с головой» ушли в эту трудоемкую, но благодарную работу на благо нации. Были споры, недопонимание, охлаждение отношений, как мы убедимся ниже, но объединяла цель—высокая и бескомпромиссная—показать русскоязычному миру богатство армянской литературы... Так, в опорном вопросе о предисловии к «Антологии» (предлагались варианты Драстамата Симоняна и «тройки»—Брюсов, Тихонов, Антокольский) Чаренц телеграфировал 10 мая 1936 г. Микаэлян: «Официально передаю, что вопрос предисловия Драстамата (Д. Симонян—председатель СП Армении в те годы.—Р. Б.) окончательно разрешен отрицательно. Предлагается вариант Брюсов—Тихонов—Антокольский. Данная телеграмма одобрена соответствующими органами, следовательно, имеет силу официального документа. Предлагается тебе конкретно осуществить требуемый вариант по возможности безотлагательно. Чаренц.»³¹ Эта же мысль отражена и в письме, отправленном Чаренцем из Еревана 20 июня 1936 г.³²

Весьма примечательно письмо³³ Чаренца Микаэлян в Москву, в котором речь идет о приглашении литератора и группы русских писателей, работающих над антологией, на юбилейные торжества в Ереван в связи с 15-летием Советской Армении. Откровенный характер и доверительный тон красноречиво свидетельствуют о той степени близости, которая существовала между ними, и поэтому считаем возможным привести его достаточно подробно, лишь с небольшими сокращениями:

«Карен! Я так зол на тебя и, представь себе, на себя, что невозможно выразить... Знаю, что и ты зол, но... Кто виноват? Мы, и только мы, то есть—я, ты—и все подобные нам, т. е. та часть армянской интеллигенции, которая исторически как будто бы является единственным мостом между нашим прошлым и настоящим, однако, как видно, весьма шаток этот мост, потерявший самобытность, жалкий и безвольный... Как бы то ни было, об этом я осмелился писать даже в стихотворении, посвященном нашему 15-летию,³⁴ где говорилось о бедности духа армянского народа—как о самом труднопреодолимом зле. Понявший—понял.

Однако перейдем к сути вопроса.

Карен. Почему так жалка наша психология? Ведь реальность прямо противоположна, но... Роковым образом произошло обратное. Я ли виноват, или ты—оставим Аллаху,—однако факт в следующем. Я, по

³⁰ Там же, с. 399—400.

³¹ Там же, с. 454—455.

³² Там же, с. 455—456.

³³ Письмо не датировано, но, судя по содержанию, написано в декабре 1935 года. Хранится в Музее литературы и искусства Армении (МЛИ), в фонде К. Микаэляна, № 450. См.: также: *В. Ширакян, С. Б., т. 2 448—450.*

³⁴ Имеется в виду стихотворение «Пятнадцать лет» к юбилею Советской Армении, зачитанное на торжественном вечере: *Испрещиլի Զաւիտիլի, 1935, № 275.*

прибытии Ереван, при первом же удобном случае, был у Агаси (А. Ханджян—в те годы первый секретарь ЦК Компартии Армении.—Р. Б.) и подробнейшим образом говорил с ним. Он согласился со всеми поручениями, со всеми без исключения. Как конкретное, дельное заключение—два текущих задания —он мне лично поручил:

1. Телеграфировать тебе, чтобы ты приехал в Ереван—вместе со своими материалами, чтобы он окончательно оформил все дело.

2. Что касалось приглашения русских писателей в Ереван для участия в праздновании 15-летия—*решил сам* телеграфировать Дому культуры, чтобы от имени *правительства Дом культуры* пригласил их, список писателей составили *мы*.—Ты *ошибаешься*, полагая, что там не было Антокольского (!!!).—В нашем списке его имя было первым. Что касается *тебя*, даже вопроса не было связывать твой приезд с приездом этих людей».³⁵ (везде выделено автором письма.—Р. Б.).

Нетрудно понять из вышеизложенного, что у Микаэляна на душе был осадок от того, что его имя не оказалось в числе официально приглашенных на юбилейные торжества, и подробнейшее письмо Чаренца призвано убедить литератора, сделавшего столь многое для антологии, что его участие в празднике было само собой разумеющимся и не связывалось с приглашением конкретных русских поэтов и переводчиков. Словно боясь быть малоубедительным и недопонятым, Чаренц продолжает убеждать Микаэляна на нескольких страницах: «Ты и *сам* вопрос своего приезда не связывал с этим, *об этом* и слова не было между нами— в связи с празднествами ни один из находящихся в Союзе армянских писателей не был приглашен, такого вопроса не было. Об этом я решил сообщить тебе постольку, поскольку ты интересовался этим вопросом *вообще*—ведь не ожидал ты, чтобы тебя приглашали *как делегата* участвовать в празднике. Такого вопроса ты не ставил, да и ставить его не было необходимости—и вот отсюда проистекает все последующее недоразумение,—да, печальное недоразумение... Сожалею, что по недоразумению ты не принял участия в праздниках...».³⁶

В этом пространном письме нельзя не заметить резко критической струи в оценке Чаренцем места и роли армянокой интеллигенции, что, видимо, было вызвано неудовлетворенностью окружающим миром, психологическим дискомфортом, которые все глубже овладевают поэтом (вспомним, до роковой развязки оставалось не так уж много времени).

Достаточно краоноречива и характерна для Чаренца его оценка, данная Карену Микаэляну в письме директору Государственного издательства художественной литературы (Москва) Николаю Накорякову. Выдающийся поэт, чей сборник стихов впервые готовился к изданию на русском языке, летом 1935 г. писал: «... Материал, находящийся у вас в качестве подстрочников, крайне небрежен, так как сделан без транскрипции и указаний на метроритмические особенности стихов. Прошу, в-первых, все дело редактирования и распространения работы поручить, как уже мною указано, тов. Поступальскому. Во-вторых, все подстрочники заказать (поручить) тов. Карену Микаэляну, советскому писателю, который не только безусловно владеет армянским и русским языками, но и прекрасно разбирается в ритмике и строфике стихосложения армянского, которое крайне сложно и своеобразно. Как гарантия прекрасной работы Микаэляна в этом отношении может послужить тот факт, что Брюсовский сборник армянской поэзии целиком подготовлен им и своими высокими качествами обязан почти целиком

³⁵ Б. Չարենց, Երկերի ժողովածու, հ. 6, էջ 448—449.

³⁶ Там же.

тов. Карену Микаэляну... У меня нет никаких сомнений, что при вашем должном содействии как тов. Микаэлян, так и тов. Поступальский сделают все от них зависящее, чтобы моя первая книга стихов на русском языке была одной из лучших по качеству перевода книг, изданных Гос. Лит. Издательством... Ваш Чаренц».³⁷

К. Микаэлян был связан по работе над антологией армянской поэзии также с Наири Заряном, Гегамом Саряном, Ваграмом Алазаном, Вагаршаком Норенцем и др. Все они неоднократно писали Микаэляну в Москву по поводу переводов своих произведений, встречались лично. Так, Ваграм Алазан в своих письмах 1935—1936 гг. настоятельно просит литератора содействовать, чтобы стихи его попали в руки «хороших переводчиков» — Антокольского, Луговского, Тихонова.³⁸ С аналогичными просьбами обращаются также Н. Зарян, В. Норенц, Г. Сарян и др. 25 июня 1935 г. Гегам Сарян, в частности, писал: «...высылаю вам сборник моих стихотворений и поэм — для русского издания... Прошу вас поговорить с товарищами переводчиками (Антокольским, Городецким, Саяновым, Полонской, Эрлихом. — Р. Б.) и постараться, чтобы переводы были удачными... Особенно прошу вас объяснить Антокольскому структуру «Ирана» и «Печали Тарзана», чтобы он обратил внимание на правильное соблюдение образов и рифм, сохранил бы ряд персидских слов».³⁹ В другом письме, от 9 января 1936 г., поэт просит Микаэляна взять из Гослитиздата переводы его стихов и «еще разочек» прочесть. А Наири Зарян 3 февраля 1936 г. обращается к Микаэляну с просьбой: «Дорогой Карен! Прошу тебя срочно сделать подстрочник стихотворения («Клятва орденосца». — Р. Б.) и передать на перевод Антокольскому...».⁴⁰ Все это красноречиво свидетельствует о том, с каким доверием относились к Микаэляну армянские поэты, как прислушивались к его слову, к его авторитетному мнению об уровне русских переводов их поэзии.

Именно за это бескорыстное усердие, творческое горение и рвение ценили Карена Микаэляна его выдающиеся современники — армянские мастера художественного слова.

ԿԱՐԵՆ ՄԻԿԱԵԼՅԱՆԸ ԵՎ ՀԱՅ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱԿԱՆԱՎՈՐ ԳՈՐԾԻՉՆԵՐԸ

Ռ. Ա. ԲԱՂԴԱՍԱՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո մ

Արձակագիր և թարգմանիչ Կարեն Սարգսի (Մերգեյի) Միքայելյանը (1883—1941) հայ գրականության ու մշակութի անձնվեր և շնորհաշատ գործիչներից է։ Կ. Միքայելյանը իր զգալի լուսման է ներդրել այնպիսի նշանավոր գլուխգործոց աշխատանքների ստեղծման մեջ, ինչպիսիք էին «Հայաստանի պոեզիա» (1916) և «Հայաստանի պոեզիայի անթոլոգիա» (1935—1936) ռուսերեն ժողովածուները։

Կ. Միքայելյանը այդ տարիներին սերտ կապերի մեջ էր մի շարք անվանի հայ և ռուս գրողների և բանաստեղծների հետ. շերմ, ընկերական և գործնական հարաբերություններ էին ստեղծվել, մասնավորապես, Վ. Բրյուսովի, Վ. Տերյանի, Ավ. Իսահակյանի և Ե. Չարենցի հետ։

³⁷ Ե Ղ Ի Հ Ե Չ ա Ր Ե Ն Կ, Անտիպ և չհավաքված երկեր, Բեադիրը պատրաստեց և ծանոթ-թագրեց Անահիտ Չարենցը, Երևան, 1983, էջ 463—464։

³⁸ МЛИ, ф. Карена Микаэляна, № 224. 226—227, 229.

³⁹ Там же, № 468.

⁴⁰ Там же, № 276.